

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ (КАЛАЧЁВА)

НОВЫЙ С ПОЛЯ ПОЭТ...

Для поэзии не существует временных и пространственных преград. Удивительно, как находят друг друга и встречаются в дружеской беседе поэтические строки вологодских поэтов, никогда не видевших друг друга...

Октябрь 1937 года. Вытегорский поэт Николай Клюев, больной, измученный, но духовно не сломленный, томится последние дни перед расстрелом в тюрьме в Сибири, в Томске. 13 октября ему вынесут смертный приговор и через несколько дней приведут его в исполнение...

В эти же скорбные дни, а точнее - 11 октября, никому не известный молодой поэт, студент педучилища в Череповце Владимир Калачёв пишет стихотворение - послание Клюеву:
*Твой бревенчатый дом пошатнулся,
Затворилось с дороги окно.
Синий вечер тебе улыбнулся
И ушёл далеко за гумно.*

Заканчивалось стихотворение такими строками:
*Увядающей, стихнувшей славы
Золотой догорает киот.*

*Не шумите, леса и дубравы, -
Новый с поля поэт придёт.*

11 октября 1937 года. Череповец

Это стихотворение пролежало в семейном архиве 70 лет и только в 2007 году было впервые опубликовано в книге «Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания».

Владимир Степанович Калачёв родился 3 ноября 1918 года в многодетной крестьянской семье в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области. Учился в Чаромской школе, а затем, когда семья переехала в Череповец, в школе № 1 и в педучилище. Работал учителем в сельской школе, а затем в Череповце на курсах ликбеза. В 1939 году был призван в армию и служил в Москве.

В 1941-1943 годах воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Погиб 25 июля 1943 года в бою за Синявинские высоты. Ему было всего 24 года.

Поэтический дар - это всегда тайна. Почему Владимир с детства писал стихи? Почему с такой силой его тянуло к русской поэзии? Почему даже в краткие промежутки между жестокими боями поэт брался за перо?..

Главная сила его поэзии заключается в его чистой, искренней любви к Родине. А начиналась эта любовь с осознания кровной связи с семьёй, с родной деревней Квасюнино, с окружающей её природой:

*Поля туманные, до встречи!
И, предосенний тихий лес,
Пахни смолой в последний вечер
На запоздалый мой отъезд.*

*Остановлюсь, как бы безмолвный,
Всё в памяти переберу.
Воспоминаний милых полный,
Любимой имя назову.*

*Я вновь вернусь грядущим летом
В хоромы новые твои,
А в этот час перед отъездом
Смолистым духом напою.*

Владимиру рано было дано понять трагизм нашего кратковременного земного существования, поэтому тема неизбежной разлуки с родным и любимым стала основной в его поэзии, начиная с его самых ранних стихотворений. Думается, что эта поэтическая тема возникла у него не случайно. Его детство совпало с годами разрушения векового крестьянского уклада, с насильственной коллективизацией деревни. В тюрьме оказа-

Владимир КАЛАЧЁВ. 1938 г.

лись некоторые его родственники и друзья родителей, осуждённые бесзвинно по политическим статьям. Родное отчуждалось, уничтожалось. В одном его детском стихотворении есть такие строки:

*Но не вижу только межи
У зелёного конца.*

«Тятя, наше поле где же?»

Дрогнул голос у отца:

«Наше поле запахали

Новой лошадьёю стальной».

...Рано росы отблестили,

Отгорел закат ржаной.

Мысли о предстоящей разлуке с земными радостями были навяны и семейной трагедией. Когда Владимиру было 14 лет, умер его старший брат Анатолий, которого он горячо любил. Когда тишина и покой вечности настигают юную душу, у неё вдруг открываются духовные очи, и она прозревает.

Владимир посвящает умершему брату несколько своих стихотворений и даже пишет поэтическое завещание:

*Как умру, вы меня хороните
На кладбище пустыни сырой,
Рядом с братом средь белых берёз
положите
Увядающей ранней порой.*

Но в жестокий XX век этому завещанию не суждено было исполниться. Кладбище, где похоронен его брат Анатолий, оказалось частично затопленным после строительства Волго-Балта. А где могила Владимира - неизвестно, как неизвестны могилы многих наших земляков, погибших на полях сражений в Великую Отечественную войну. Известно только, что лежит он в Синявинских болотах вместе с тысячами таких же, как он, убиенных воинов, погибших за Отечество.

Деревенская поэзия и деревенские поэты окружали Владимира Калачёва с раннего детства. В те годы, когда уничтожалась духовная культура деревни и её «последние поэты», вдруг начал бурно развиваться новый деревенский фольклор: крестьяне и их дети стали писать стихи, повторяя в них с большею или меньшей степенью оригинальности и талантливости образы и поэтические мотивы любимых поэтов - Есенина и Клюева. Обычно считают, что поэзия профессиональных поэтов, как полноводная река, питается многочисленными ручейками народной поэзии, устного народного творчества. Так оно и есть, но в тридцатые годы реку поэзии пытались повернуть в новое, искусственное, русло, в страну коммунистических призраков и идеологических химер, то есть в никуда. Вот тогда и воскресла пленённая река в многочисленных тихих, но чистых ручейках: народная поэзия - в поэтах-крестьянах. В одной только деревне Квасюнино жили более десяти поэтов. Кроме Владимира, стихи писали его брат Анатолий, двоюродные братья и муж его тётки Марии. О последнем особенно следует сказать. Деревенский мужик, выучившийся грамоте, Александр Тихомиров ещё до революции собрал большую интересную библиотеку, выписывал журналы «Нива», «Всемирная панорама». Уехал в Белозерск и там дослужился до пристава.

Во всём любил порядок, но особенно ценил тишину и мир, поэтому и фамилию себе подобрал подходящую - Тихомиров. Его родовая деревенская фамилия была Башмаков, так как кого-то из его предков за что-то прозвали Башмаком. Его старший сын, деревенский поэт и юродивый Христа ради, однажды, желая подшутить над строгим отцом, сочинил на него эпиграмму:

*Васькин брат, Славухин дядя,
Из породы Башмаков...*

Отцу стихи понравились, он любил в людях смирение, и сам готов был услышать о себе справедливые слова. Тихомиров любил поэзию, сам писал стихи, много поэтических сборников было в его домашней библиотеке. В годы разрухи и коллективизации он написал поэму, подобную поэме Николая Клюева «Погорельщина», и сам читал её вслух родственникам и друзьям. В сороковом году кто-то донёс властям. Тихомирова арестовали и посадили в тюрьму, которая находилась на острове, где он и умер от голода в первый год войны. Текст поэмы бесследно исчез, но до сих пор среди его родственников ходят легенды о том, как Тихомиров, кем-то предупреждённый о предстоящем аресте, положил все свои поэтические произведения в холщовый мешок и закопал в саду за домом...

Вкус к настоящей поэзии привили Владимиру в семье Ивана Феофановича Валькова, его дяди по матери. Иван Феофанович работал учителем: сначала в учительской семинарии в Череповце, а после революции - в педучилище. В детстве его, как одарённого деревенского ребёнка, поддерживали народные учителя, помогли ему (в том числе и материально) получить высшее образование - подготовили для поступления в Московский университет, который он успешно закончил. Женился он на дочери генерала Николая Аполлоновича Астахова - Наталии Николаевне, имевшей прекрасное филологическое и музыкальное образование. (Её родители, живя до революции в Петербурге, были дружны с матерью А.А. Блока. Мать

Наталии Николаевны вела родословную от Ганнибалов). Каждое лето семьи Ивана Феофановича гостила в Квасюнине, и Володя подружился на всю свою короткую жизнь со своими двоюродными братьями - Сергеем и Кириллом, которые тоже писали стихи. Дружил он в Череповце и с Юрием Чистяковым, будущим литературным работником и сценаристом на центральном телевидении, и Юрием Кузнецовым, будущим известным искусствоведом.

Юрий Никанорович Чистяков много позже писал череповецким краеведам: «Володя Калачёв был таким человеком, которого не только нельзя забывать, но и невозможно забыть. Вспоминаю его с большой любовью и уважением за чистоту сердца, преданность в дружбе, упорство в достижении цели, за воинскую доблесть и способность к самопожертвованию во имя счастья других. Он был прирождённым лириком. Любил не себя в стихах, а стихи в себе. Только такие и становятся художниками слова».

Перед войной В. Калачёв служил в армии в Москве, там он посещал литературные вечера, бывал на встречах с известными поэтами и очень много писал стихов.

В конце 1941 года Владимир попал на Волховский фронт, был адъютантом у начальника штаба генерала П.И. Кокарева. Известный журналист Н. Кружков в статье «Командир и адъютант», опубликованной в апрельском номере газеты «Красная звезда» за 1943 год, писал о Владимире как об образцовом адъютанте следующее: «Старший адъютант Калачёв служит адъютантом у начальника штаба. Штабная работа - дело сложное. Начальник штаба соединяет в своей работе холодный ум математика и творческое вдохновение, строгий расчёт и боевой риск, его землянка нередко напоминает кабинет учёного, где истина постигается путём сложных анализов. Адъютант начальника штаба - это его память, его глаза. Адъютант старший лейтенант Калачёв хорошо усвоил штабную службу, великолепно знает карту местности, где дей-

ствует его армия. Он часто бывает на передовых позициях, знает всё, что делается в полках и дивизиях, и всегда имеет под руками необходимые сведения для текущей работы своего начальника. <...> Его работа скромна и с виду неприметна, но он благодаря своей аккуратности, методичности является ценным помощником начальника штаба. И когда армия, в которой служит старший лейтенант Калачёв, одерживает успех, он испытывает законное чувство творческого удовлетворения».

На Волховском фронте Владимир познакомился со Всеволодом Рождественским, читал ему свои стихи, после этого у них завязалась переписка. Известный поэт почувствовал в молодом лейтенанте собрата по поэтическому вдохновению. В.А. Рождественский писал Владимиру: «Во всех Ваших письмах и записочках я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, явственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы, несомненно, чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка. Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе».

Понравились стихи Калачёва и Александру Прокофьеву. 3 мая 1943 года он писал Владимиру на фронт: «Спасибо за стихи и письмо. Стихи буду печатать в журнале «Ленинград», и если подберём альманах (слово написано неразборчиво - **Л.К.**) красноармейского творчества, то и там. Присылайте ещё. Мне понравилось начало песни «Три снежинки, три звёздочки» - поэтично. Буду рад содействовать Вашим литературным успехам. Приезжайте в Ленинград». Молодой поэт переписывался также с поэтами И. Молчановым и Н. Асеевым, В. Мануйловым.

При жизни Владимир публиковался только во фронтовой газете «Отважный воин». Что это была за газета и в каких условиях работала её редакция, можно узнать из воспоминаний её редактора В.П. Кузнецова:

«В ноябре 1941 года наша дивизия вместе с большинством других таких

же дивизий попала в окружение. Наша дивизионная газета выходила тогда под названием «За Отечество». Небольшому числу редакторов удалось выйти их окружения, потом на базе этой газеты и возникла газета «Отважный воин». Она была отдана 20-й Ударной армии и переброшена на Волховский фронт, зимой 42 года участвовала в прорыве блокады. Редакция почти полностью погибла в ночь на 24 июня при выходе из окружения: из 33 человек осталось только шестеро. Из политотдела в живых остался только один человек, поэтому я был назначен начальником партийной комиссии при политотделе, которая должна была выяснять, сколько людей вышло из окружения и кто погиб. Погибло 20 тысяч, вышло только 2 тысячи. Прорывались через узкий коридор шириной всего 200 метров. Армия сражалась до последнего солдата. Люди пухли от голода, не могли встать на ноги, но если голова работала, то они стреляли до последнего патрона.

После прорыва редакция газеты «Отважный воин» пополнилась новыми редакторами, появился ряд новых имён: это Сергей Наровчатов, Михаил Дудин, О. Берггольц, работала наездами В. Кетлинская. Возможно, с Калачёвым встречался С. Наровчатов, он только тогда ещё начинал. А. Прокофьева называли тогда «ладожским соловьём-разбойником».

Осенью 1942 года началась Синявинская операция, армия была переброшена под Ладогу, новое наступление не закончилось прорывом блокады. 11-й армии Манштейна был дан приказ покончить с Ленинградом, и она вступила в бой со 2-й Ударной армией. Манштейн израсходовал все свои силы и не смог наступать на Ленинград. Обе армии погибли. Последняя попытка овладеть Ленинградом была предпринята немцами в январе 1943 года, и только в январе 1944 года была окончательно снята блокада.

В это напряжённое время и выходила газета «Отважный воин», в которой печатался В. Калачёв. Надо сказать, что редакция с большим ува-

жением относилась к нему. Это чувствовалось по тому, что печатали его стихи на второй странице, подписывали «Владимир Калачёв», отмечали стихотворение особым рисунком. Художником работал в газете скульптор Вучетич, начал он с дивизии народного ополчения ещё под Москвой. 14 марта 1943 года было напечатано первое стихотворение Владимира, 4 апреля - стихотворения «Знамя» и «Разведчик» - с особой заставкой, 16 мая - стихотворение «Боец», 3 июля - «На переднем крае», а 15 июля, то есть за 10 дней до гибели Владимира, было напечатано стихотворение «Пулемётчик». Оно было подписано «Старший лейтенант Владимир Калачёв», чувствуется - автор очень гордился, что ему было присвоено новое воинское звание. 1 сентября в газете было напечатано последнее стихотворение - «Коммунист». Ещё тогда никто из нас не знал, что это стихотворение Владимира опубликовано посмертно».

Родственники и сослуживцы Владимира вспоминают: ему было присуще глубокое чувство ответственности за судьбу Отечества. Несмотря на важность в условиях войны адъютантской работы, он всё время стремился стать боевым командиром, однако генерал П.И. Кокарев его не отпускал, ценя в нём хорошего и надёжного помощника. Наконец весной 1943 года ему удалось переменить место службы. Старший лейтенант Калачёв стал командиром роты, но в жестоких боях за Ленинград 25 июля он погиб.

Оставшийся в живых Ф.Г. Смирнов, летописец 11-й стрелковой Валгинской дивизии, в которой воевал Владимир в последние месяцы своей жизни, так описывает невыносимо тяжёлые условия, в которых шли бои около посёлка Синявино в конце июля 1943 года:

«На Синявинских высотах и в лесах за нами - гитлеровцы, а в болотах на открытой низменной местности - наши войска. Единственная соединяющая Ленинград со страной железная дорога, что продолжена после прорыва блокады по берегу и болоту вдоль

приладожских каналов, продолжает действовать по уплотнённому графику, и только в ночное, тёмное время. За ночь проходит до тридцати составов.

Враг, надёжно укрытый в своих траншеях и укреплениях на склонах высот, хорошо видит внизу перед собой каждый наш танк, вязнувший в проклятом болоте, каждую огневую точку и почти каждого бойца... «Чёртовы высоты» - так называли их наши бойцы.

Под склонами Синявинских высот всё болото ещё до войны было изрыто торфоразработками. Глубокие, выше роста человека, выемки-котлованы, откуда вынимали торф, заполнены грязной, илистой кашеобразной гущей, покрытой тиной. Эта тина, как самая злейшая трясина, засасывает каждого, рискнувшего вступить в неё. Попался в неё - верная смерть. В такой непролазной местности передвигаться на десятках квадратных километров можно по узким, часто только в метр шириной, перемычкам и по разбитой колее бывшей узкоколейки. Даже в мирное время это пространство считалось почти непроходимым. Зброшенное, полное комаров, забытое, как говорили, Богом и людьми место. А сейчас в нём многие тысячи наших людей, штурмующих засевшего на высотах врага. Жара, болотные испарения и постоянно тлеющий от пожаров торф вызывают рвоту. За неделю тлеют и расползаются гимнастёрки.

В соответствии с указанием Ставки 22 июля перешли в наступление войска 55-й и 67-й армии Ленинградского фронта и 8-й армии Волховского фронта. Основная цель - окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать его войска и не позволить перебрасывать силы на центральный участок, перемолоть в боях части и соединения 18-й немецкой армии и создать условия для последующего её разгрома. Исключительно мужественно сражались воины 67-й армии».

Родители Владимира - Надежда Феофановна и Степан Митрофанович

- сначала получили извещение о том, что их сын пропал без вести. Они обратились с просьбой найти сына к генералу П.И. Кокареву, и вскоре от него пришла страшная весть:

«Уважаемый т. Калачёв С.М.

По наведённым мною справкам известно, что Ваш сын Владимир 25 июля сего года, будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя. Должен Вам сообщить, что Владимир, будучи со мною вместе на службе, был образцовым, храбрым и примерным офицером нашей доблестной Красной Армии. После перевода его на другую работу он и там показал себя отличным воином нашей Красной Армии и геройски погиб в бою с ненавистными фашистскими полчищами за нашу прекрасную Родину.

Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам.

С боевым приветом П. Кокарев».

Мать Владимира долго не могла поверить в смерть сына. Долго не верила в гибель любимого человека и девушка Соня, с которой он переписывался все военные годы. Она его долго-долго ждала и семью завести так и не смогла.

Перед последним боем, видимо, предчувствуя гибель, Владимир послал домой свои записные книжки, вырезки из фронтовой газеты «Отважный воин», где публиковались его стихи. Заветный сундучок Владимира с рукописями стихов, с его письмами, с адресованными ему письмами поэтов, с книгами, которыми он дорожил, мать свято хранила до самой своей смерти.

Перед фронтовым циклом стихотворений «В пути» Владимир Калачёв поставил в качестве эпиграфа слова поэта Н. Языкова: «Русь, - живи!».

В шестидесятые годы, благодаря стараниям младшей сестры Владимира - Елены Степановны Калачёвой, его стихи и фронтовые письма время

от времени стали появляться в областных газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», череповецком «Коммунисте», а также в журнале «Север», в центральной газете «Красная звезда». Вологодский журналист Владимир Михайлович Малков, сам воевавший под Ленинградом, сделал многое для того, чтобы голос молодого поэта, погибшего за Отечество, услышали земляки.

После первых же публикаций череповецкие школьные краеведы Тамара Николаевна Тихова и Маргарита Николаевна Федянова заинтересовались судьбой и поэзией Владимира Калачёва. Они посвятили ему отдельные экспозиции в школьных музеях, организовали поиск новых материалов о его фронтовых годах и товарищах. Помнят его и в Чаромской школе, где он учился в семилетке. Благодаря трудам учительницы Татьяны Сергеевны Ивановой здесь также есть в школьном музее особый стенд с материалами о поэте и воине Владимире Калачёве. Его стихи с любовью читают его земляки - чаромские школьники.

Возвращаясь к теме, с которой я начала рассказ о поэзии Владимира Калачёва, а именно к теме поэтической встречи незнакомых друг с другом поэтов, хочу обратить внимание на то, что такая встреча состоялась у Владимира и с Николаем Рубцовым. У Калачёва есть такое стихотворение:

*Каждый вечер свистят пароходы,
Каждый вечер кого-то зовут...
Молодые весёлые годы
От своих берегов отплывут.*

*Уплывут пароходами быстрыми,
Отшумят, повинуясь ветрам,
Отгорят разноцветными искрами,
Подойдут к дорогим пристаням.*

*Распылённое жизни начало
Не отметит на грани дорог,
Где какую любовь укачало,
Где какой захлестнуло восторг.*

*Каждый вечер гудят пароходы,
Каждый вечер куда-то зовут.
Молодые весёлые годы
Пароходным дымком уплывут.*

Эти стихи впервые опубликованы только в нынешнем году в указанной выше книге, и Рубцов их не мог прочитать. Но тем более удивителен тот факт, что у него есть стихотворение «Посвящение другу», которое звучит как поэтический отклик на эти стихи Калачёва.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

*Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комыа желтеющей глины
За ограду летят лепестки...*

*Нет, меня не порадует - что ты! -
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолёты,
Просвистели мои поезда.*

*Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои,
Я пришёл к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!
Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...*

*Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!*

Есть у этих поэтов и другая поэтическая встреча. Это образ лирического героя - неведомого всадника, который скачет «по холмам задремавшей отчизны»:

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племён!
Как прежде скакали на голос
удачи капризной,*

*Я буду скакать по следам
миновавших времён...*

Это знаменитое стихотворение Николая Рубцова, написанное в 1963 году, - глубокое произведение зрелого мастера, а созвучные с ним стихи Владимира Калачёва, написанные в 1937 году, - это проба голоса начинающего юного поэта. Но какая гармония в чувствах и образах у этих разных поэтов!

БЕЛЫЙ КОНЬ

*Белый конь мой тише, реже дышит,
Только синие глаза лихи.
Вдалеке синеют чьи-то крыши
И пропели чьи-то петухи.
Добрый конь, люблю я бег твой
вешний,*

*Голубой огонь в лихих глазах.
Раздаётся в роце где-то песня
О любви, об искренних словах.
В вышине потухли звёзды-свечи;
На заре меня мой конь принёс.
<...>*

*Под восход весенний, замирая,
Прозвенит о прожитом гармонь.
Вешний снег копытами взрывая,
Пробежит, проскачет белый конь.
Пробежит за вспаханные межи,
Меж полос копытами стуча.
Кто-то пропоёт о дальнем, нежном,
На ладах таинственных звеня.
Белый конь мой скачет,
словно вестник,*

*Под ногой синее вешний снег.
Я другую - радостную песню
Пропою под быстрый конский бег.
Просияет в искреннем порыве
Голубой в лихих глазах огонь.
И с седой вьющейся гривой
Пробежит, проскачет добрый конь.*

Череповец, 2 февраля 1937 г.

Талантливые поэты и мужественные юноши не переводятся на вологодской земле. Это о них слова Николая Рубцова: «Неведомый сын удивительных вольных племён!»

СТИХИ ВЛАДИМИРА КАЛАЧЁВА

«Русь, - живи!»
Н. ЯЗЫКОВ

ЭХО

Игайка - речонка дорогая
Заросла в извилистой ольхе...
Снова выхожу на берега я
С лермонтовским томиком в руке.

Запах клевера медовый тает,
В Игайке звенящая вода.
Эта речка мне напоминает
Отошедшей юности года.

За холмы скатился вечер красный,
По тропинке по береговой,
Где огни купальские погасли,
Ходит эхо юности былой.

Мне молодость снится моя
В разлуках и памятных встречах:
Мне снятся родные поля
И летний задумчивый вечер.

Шумит перед выгоном рожь,
И ты, оглянув поле впристаль,
Знакомой дорогой идёшь,
Уходишь из дому на пристань.
Затих кривоноговский лес, *
В закате Квасюнино, поле...
И дом в предвечерний отъезд,
И сад тебе жалко до боли.

С узелком на берег вышел.
Тихий вечер на Шексне.
Оглянусь - родные крыши
Пропадают в синеве.

Станут памятью последней
На песке мои следы,
Над уснувшей деревней
Зазвеневшие лады.

Про любовь поют ребята -
Песню эхо принесло.
Опускается с закатом
Лета крашено весло.

Я смотрел в загрузившие дали
В предрассветный,
в предутренний час.
Только синие звёзды мерцали,
И светящийся месяц погас.

Слушал я задремавшие дали,
Песни ранних лесных соловьёв.
До меня лишь едва долетали
Перезвоны глухих голосов.

Я вдыхал ароматные дали,
Запах скошенных трав и цветов.
Блики их в синеве трепетали -
Белых, смятых сухих лепестков.

Я стремился в безбрежные дали
Голубых бесконечных полей.
Но в ответ только грустно шептали
Молодые листы тополей.

Я кричал в беспредельные дали -
Эхо тихо лишь вторило мне,
Да дремотные совы кричали
В голубой и глухой тишине.

Собери котомку, мама,
Положи мне в узелок
Две рубашки полотняных,
Полотенце да платок.

Да ещё вот захвачу я
Томик Блока, чтоб в пути,
Вспомнив девушку родную,
Строчки нежные найти.

Где-нибудь в горячем бое
Кровь польётся ручейком,
Рану жесткую закрою
Твоим беленьким платком.

Собери бельишко, мама.
Утром раньше разбуди.
Не печаль меня глазами -
Путь далёкий впереди.

* Лес, растущий недалеко от деревни Квасюнино, назывался Кривоногово.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Твой бревенчатый дом

пошатнулся,

Затворилось с дороги окно.

Синий вечер тебе улыбнулся

И ушёл далеко за гумно.

Знал ли ты, что твой гений

не вечно

Будет в славе отпечетой жить,

Перестанет манить в синий вечер,

По земле без пути бродить.

Ты по-прежнему тихий и нежный,

Дни считая, в тоске поёшь,

Как горит при заре Заонежье,

Как шумит васильковая рожь.

И мне жаль, что поэт весёлый

Приходил из-за Сити-реки,

Что теперь не услышат сёла

Избродившей страну клюки.

И над Русью всё реже и реже

Шёпот песен избяных твоих.

Только так же, как встарь,

Заонежье

Кадит запахом мёда хвои.

Отцвели заонежские травы,

Прозвенел голубой ледоход.

Догорающей меркнувшей славы

Золотой догорает киот.

И не звать тебе славу, не кликать.

Только бархат зелёных мхов

С розоватою росной брусникой

Приласкает тоску стихов.

Ну а мне, как совсем немногим,

К новым дням любовь не дана.

И когда при заре на дорогу

Выйду я - не суди меня.

Будет с песней бродяга тихий

Без пути бродить по Руси -

Проходить по полям, по гречихам

И у жизни прощенья просить.

И тогда, над заборами свесясь,

Как начищенный медный поднос,

Хохотать надо мной будет месяц

До безумья, до плача, до слёз.

Увядающей, стихнувшей славы

Золотой догорает киот.

Не шумите, леса и дубравы, -

Новый с поля поэт придёт.

11 октября 1937 года. Череповец

Рассвет росой июльской забрызгал

Широкие капустные клубни,

И спрятался наш деревенский

выгон

В растянутой берёзовой тени.

С берёз на огород пахнула

свежесть,

И снова пахнет зрелой лебедой...

И мама на крылечке загляделась

На огненный восток, на золотой.

Сошла с крыльца и встала

у колодца.

И как не улыбнуться тут заре,

Когда от солнца краска остаётся

У матери на крашеном ведре.

Тихий, мягкий день осенний

На закат направил бег.

Словно брызги белой пены,

Закружился первый снег.

В этой свежести предзимней

Из-за чащи голубой

Слышу оклик лебединый

Над прокладой ключевой.

Этот вечер будет гранью,

Сразу вставшей на холмы,

Поздней осени и ранней

Набегающей зимы.

Ключ студёный, ключ холодный,

Напои водой меня.

Под листвою прошлогодней

Ты бежишь, струёй звеня.

Напои дыханьем лета,

Блеском солнечных лучей,

Ночью, днём и на рассвете

Тихим трепетом речей.

Напои водой игривой

Поздним вечером коня.

Пусть потряхнёт он белой гривой,

Золотой уздой звеня.

Он помчит меня далёко,
Пыль взвонит из-под копыт.
Поле синее широко,
Даже конский глаз не зрит...

Пробегают через ниву
Серебристый ключ в реку.
Так неси же, конь извивый,
Бей копытом на скаку!

Радуйся дыханью лета,
Блеску утренней травы.
Проюю я на рассвете
Песню светлую души.

Милое тихое лето
Мчит мне конец роковой.
В медленных шорохах где-то
Рано теряет покой.

Рано мне свищет синица
Горечь разлуки опять.
Нет, не могу примириться -
Чтобы тебя утерять...

Где ты, знакомка, родная?
Где твоей юности дни?
Юность свою вспоминая,
Ты и меня вспомни.

Вспомни последнюю встречу,
Синего августа грусть...
Мне остывающий вечер
Шепчет, что я не вернусь...

И за исхоженным парком
Над обмелевшей рекой
Лето в сиянии ярком
Рано теряет покой.

1939 г.

ВЕСНА

Зола да пыль на пепелище,
И жизни, думаешь, конец.
Но как светло, когда засвищет
На старой яблоне скворец!
Здесь был народ.
Здесь жизнь кипела.
Сейчас - равнина и покой:
Сгорело всё, лишь уцелела
Скворечня с яблоней сухой.
Но и гнетущему покою
В ответ и в оправданье есть

(Врагам да будет роковое)
Победоносной силы месть.

ТВОЁ ПИСЬМО

Конверт в пыли
И почтальон в пыли.
И счастью этому ещё не верю,
Как будто жизнь вторую принесли
С твоим письмом
На нашу батарею.
И всё милей,
Когда твоя рука
В письме слова такие начертала,
Чтоб бить врага я мог наверняка
И сохранить любовь
Светлей кристалла.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Безголосая ночь опустилась
На изъеденный пулями лес.
По траншеям болотная сырость
Собралась с неизведанных мест.
Возле дзота, водой залитого,
Вихрь огня пролетит, прометёт.
Но душа для сражений готова,
И готов, как душа, пулемёт.
Здесь в томительных днях обороны
Зреют солнцем в предутренней мгле
Путь на запад, ещё не пройденный,
И свобода родимой земле.

АВТОМАТЧИК

Над дорогой фронтовой
Опускается закат...
Замолчал во время боя
Безотказный автомат.
Не искал за жизнь поруки,
Смерть свою не счёл бедой -
На песке раскинул руки
Автоматчик молодой.
Был фашистов парень метко,
Был один за семерых,
Прикрывал отход разведки,
Спас товарищей своих.
При дороге запылённой
Под ракитовым кустом
Автоматчик спит спокойно
На песке на золотом.

ВЕРНОСТЬ

Завечерело.
Воздух свеж и мглист,
За горизонтом катится гроза.
В руках письмо держал
артиллерист,

Вниманьем были скованы глаза.
Но вдруг разрыв -
Артиллерист упал
(В таком конце не отыскать
ошибку).
Письмо от милой
Он не дочитал,
Но удержал
Счастливую улыбку.

НА ПРИВАЛЕ

На фронтовом пути с востока,
Далёкий совершая марш,
У обмелевшего истока
Отряд остановился наш.

В минуты сна, в часы похода,
В любое время ночи, дня
Родная русская природа -
Как исцеленье для меня.

По всем путям пройдя с боями,
Я разлюбить никак не мог
Облитый кровью и слезами
России каждый уголок.

У обмелевшего истока
И в этот вечер на мосту
Я помяну словами Блока
Природы русской красоту.

У КОЛОДЦА

К колодцу быстрою походкой
Едва успевши подойти,
Боец поднял с водой пилотку
И пьёт за здоровье в пути,
И за грядущее сражение,
В котором будет нелегко...
Но улыбнулся широко,
Свое увидев отраженье.

КУКУШКА

Я на лодке, никем не замечен,
По реке задремавшей плыву.
Хорошо в этот медленный вечер
На прибрежную глянуть траву.
Приближается грань горизонта,
И на грани заката - пожар,
И глаза отвести неохота.
И чего-то становится жаль.

Тишина. Неоконченность линий.
И не трогаю даже весло.
По зеркальности заводи синей
Без движенья меня понесло.

Покачнулась звезда золотая
Над водой, но не тонет до дна.
Закричала кукушка, считаю,
Сколько раз прокукует она.

Владимир КАЛАЧЁВ с однополчанами

**СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СТИХОВ И ПИСЕМ В.С. КАЛАЧЁВА,
А ТАКЖЕ СТАТЕЙ О НЁМ
(в хронологической последовательности)**

- КРУЖКОВ Н. Командир и адъютант** // Газета «Красная звезда» от 2 апреля 1943 г.
Письмо Н. АСЕЕВА (адресованное В.С. Калачёву) / Публикация Л.Г. Калачёвой, вступительная заметка А. Смородина // Русская литература. - № 2, 1964.
ВИКУЛОВ В. СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ // Газета «Коммунист» от 20 марта 1965 г. Он не успел стать поэтом / Подборка писем и стихов В.С. Калачёва // Газета «Вологодский комсомолец» от 12 декабря 1971 г.
МАКУШИН Р. ПИСЬМА С ФРОНТА // Газета «Красная звезда» от 7 мая 1972 г. Тихова Т.Н. Стихи остаются в строю // Газета «Вологодский комсомолец» от 11 сентября 1974 г.
ВИКУЛОВ В. СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ // Газета «Коммунист» от 31 декабря 1974 г.
МЕЛКОВ Л. СТИХИ ОСТАЮТСЯ ЖИТЬ // Газета «Красный Север» от 24 апреля 1975 г.
МАЛКОВ В. СТРОКИ, ОПАЛЁННЫЕ ОГНЁМ // Север - № 6. - 1981.
МАЛКОВ В. ПОЭТИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА // Малков В. Голоса сурового времени. - Архангельск, 1982. - С. 140-148.
ТИХОВА Т.Н. «НАМ ДРУГОМ СТАЛ И БРАТОМ ВОЛОДЯ КАЛАЧЁВ» // Газета «Коммунист» от 25 марта 1983 г.
ТИХОВА Т.Н. «Я В БОЙ ИДУ, ЧТОБ ЗАВТРА ЖИТЬ...» // Газета «Красный Север» от 28 февраля 1985 г.
ТИХОВА Т.Н. КАЛАЧЁВЦЫ // Газета «Ударная стройка». Март 1985 г.
ГЛУЩЕНКО Ю. УЧИТЕЛЬ, ПОЭТ, ВОИН // Газета «Советский патриот» от 24 ноября 1985 г.
ТИХОВА Т.Н. «НАМ ДРУГОМ СТАЛ И БРАТОМ ВОЛОДЯ КАЛАЧЁВ» // Литература в школе. - № 2. - 1987.
БАРАКОВ В.Н. ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ: СТИХИ И ПИСЬМА // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. - Вологда, 1999.
КАЛАЧЁВА Л.Г. (ЯЦКЕВИЧ) ВОСКРЕСЕНЬЕ НА ШЕКСНЕ // Калачёва Л.Г. Вологодская нива. - Вологда, 2004.
КАЛАЧЁВА Л.Г. (ЯЦКЕВИЧ) ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ // Газета «Вера», № 502, Сыктывкар, 2005, с.18-19.
ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ. СТИХИ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ // Составитель - Л.Г. Калачёва (Яцкевич). - Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2007. - 184 с.